

(они соответствуют субъективному мышечному ощущению человека). Все же в целом эта теория вряд ли может быть принята, так как экспериментальная проверка ее весьма затруднительна.

Каждая из рассмотренных теорий слога имеет определенные недостатки; не может быть принята в целом ввиду своей односторонности [Васильева В.А., 1980]. Однако это не значит, что следует отвергнуть конкретные наблюдения, сделанные при разработке проблемы слога в прошлом. Многие в сонорной теории и в теории мускульного напряжения заслуживают серьезного внимания. Особенно это касается возможной слогаобразующей роли сонантов в сочетании с шумом.

Поскольку любой речевой акт имеет как артикуляционный, так и акустический аспект (помимо основного, т.е. фонологического), то слог и должен рассматриваться фонетически с этих двух точек зрения. «Поэтому комплексная артикуляционно-акустическая теория представляется наиболее правильной. Мускульное напряжение артикуляционных органов, естественно, также входит в артикуляционный аспект и должно рассматриваться как его разновидность» [Гвоздев А.Н., 1956 г]

Таким образом, проблема слова – одна из запутанных и окончательно еще не решенных проблем в языкознании. «По видимому, этим объясняется тот факт, что некоторые лингвисты, в первую очередь американские, не всегда

используют понятие слога в своих работах, а исходят из принципа сегментации речевого потока, с дальнейшим вскрытием дистрибутивных отношений фонологических элементов в речевых отрезках» [Дикушина О.Л., 1958 г.]

1. Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М: 1981 г.
2. Бондаренко Л.В. Структура слога и характеристики фонем / Вопросы языкознания, 1967 № 1. С 12- 16
3. Васильев В.А. Фонетика английского языка Высшая школа, 1980
4. Гвоздев А.Н. О фонологических сходствах русского языка М: 1956
5. Дикушина О.И. Фонетика английского языка Издательство Москва, 1958
6. Зиндер Л.П. Общая фонетика Изд. Второе – М., Высш. Школа, 1979 – 312 с.
7. Ломтев Т.П. Фонология современного русского языка на основе теории множеств. Уч. Пос. для студентов филол. Фак ун-тов – М: Высшая школа, 1972- 224 с
8. Якобсон М.Г. Халле М. Фонология и ее отношение к фонетике в кн: новое в лингвистике Вып 2 – М: 1962 - 245 с
9. Bailey Ch. Evidence for variable syllabic boundaries in English. The melody of language/ Baltimore, 1980
10. Vassilyev V.A. English phonetics/ Higher School publishing house Moscow, 1980

This article about the different theories of syllable. Syllable is a minimum articulator figure in speech. In the modern linguistics there are a lot of definitions of syllable. Phoneticians have different points of view about theories of syllable expiratory, sonority (acoustic) and muscular tension theory. But for the present there is no definite determination of word- formation, syllable-forming in linguistics.

Г. А. Маггеррамова

ПОВТОР КАК ФОРМАЛЬНЫЙ ПРИЕМ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА (на материале «Слова о полку Игореве» и «Книги моего деда Коркуда»)

Синтаксический параллелизм является основным принципом построения таких эпических текстов, как «Слово о полку Игореве» и «Книга моего деда Коркуда», благодаря действию которого, выстроены своеобразные картины мира тюркского и славянского народов, различающихся своим менталитетом, верованиями, традициями. Таким образом, синтаксический параллелизм – это не только принцип построения текста, но и способ восприятия внешнего мира. Как общий принцип видения мира, он, в свою очередь, нуждался в формальных приемах, главным из которых был

повтор, применявшийся достаточно регулярно и осознанно.

В исследуемых эпических текстах конструкции с синтаксическим параллелизмом сопровождаются повторами: 1. слов и 2. предложений.

1. *Лексические повторы* наблюдаются в исследуемых текстах как в отдельном предложении, так и на протяжении всего повествования. Например, «*Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были пълци Олговы, Ольга Святъславличя*» («Были века Трояна, минули годы Ярославовы; были походы

Олеговы, Олега Святославича»). Или: «*Ata adini yuritmaуәn хоурад oғul ata belinә enincә, enmәsә, yeg; ana rәhminә dūšünсә, doғmasa, yeg*» («Непутному сыну, не прославившему имени своего отца, лучше б и не выходить из хребта отца, не входить в утробу матери, лучше б ему не родиться!»). В анализируемых памятниках было отмечено частое употребление определенных слов. Так, в «Книге моего деда Коркута» это были слова «qosa», употребленное 79 раз, «ata» – 49, «baba» – 169, «dәdә» – 69 [18, с. 88], «Qorqud» – 55 раз. В «Слове о полку Игореве» союз «бо» употреблен 25 раз [14, с. 51-54], «пѣснь» и все производные от него слова – 15, «свѣтъ» – 14, «слава» – 19, а в составе других слов и вместе с производными от корня *-слав-* – 59 раз. На наш взгляд, повтор именно этих лексем не случаен, и между этими словами есть определенная связь. Рассмотрим эту связь более подробно.

Боян – в древнерусской литературе певец-поэт. «Боянь носит эпитет мудраго чародѣя» [13, с. 119] – вещий (Согласно Ф.И.Буслаеву, «слово «вещий» от вет (от-ветить, приветить) значит умного, хитрого в эпитете к Олегу. Вещий значит и поэт: поэтому Боян в «Слове о полку Игореве» называется вещим. Ветия (вм. Вития от вет) в древнем языке поэт» [3, с. 171]) Боян. Он также «сам слагал свои песни и сам их пел, сопровождая их игрою на каком-то струнном инструменте, повидимому, на гусях» [10, с. 127]. Если сравнить русское «баян» с чеш. *bagiř* «поэт», *bágenj* «замышление, сказка, басня, повесть», рус. баяльник – стихотворец [3, с. 171]; укр. *бáяти* «рассказывать», рус. *бáить* «говорить», чеш. *bájití* «говорить, болтать», польск. *bajać* «болтать» [16, с. 140], то становится ясным почему автор «Слова» употреблял лексемы «баян» и «слово» как близкие по значению, противопоставляя «старые словесы», «замышление Бояна» «былинам сего времени»: *Не лѣно ли ны бяшетъ, брати, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? Начяти же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню!*

Отметим также связь между лексемами «слово» и «слава», которые в праславянском языке отличаются лишь чередованием корневых гласных – *slōiŭ и *slāuiā. Близость «слово» и «слава» подтверждается и данными из родственных языков: рус. слово, укр. слóво, блр. слóво, болг. слово, сербохорв. слóво «буква», чеш. slovo «слово», sloveso «глагол», словц. slovo

«слово», польск. słowo «слово», полаб. slüvü, латш. slava, slave «молва, репутация; похвала, слава», вост.-лит. šlāve ж. «честь, почесть, слава», šlāvinti «славить, почитать», др.-инд. śrávas «слава, похвала, уважение, зов», авест. stavah- «слово, учение, изречение» [16, с. 673]. В тексте «Слова» можно найти синонимичное употребление автором лексем *слово/ пѣснь, повесть/ песнь*. Ср., *словесы трудныхъ повѣстий/ пѣсни по былинамъ сего времени*. Эта связь наблюдается и в употреблении глаголов: *пѣснь творити/ рече; рекъ Боянь/ въспети было вѣщей Бояне*. Отсюда, возможно, и сравнение Бояна с соловьем: «*О Бояне, соловию старого времени!*» Как песня у соловья, слово Бояна льется, «*скача славию по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы*». Лексемы «соловей – славий» происходят, по свидетельству В.П.Адриановой-Перетц, от «слово – слава», а народная загадка называет «язык» «соловейкою» [7, с. 326]. Таким образом, лексемы «Боян», «слово», «слава» и «песнь» взаимосвязаны. М.М.Маковский, исследуя феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев, отмечал, что «каждое слово, т.е. сочетание магических знаков (По свидетельству М.Маковского, письмо с начала своего возникновения использовалось в белой и черной магии. Наибольшее развитие при этом получила буквенная магия. Магические сочетания букв использовались не только как обереги, но и как проклятия врагам. Более того, «буквы, по поверью язычников, считались божественными письменами на небе: в виде букв выступали звезды, которые воспринимались как божественные окна или дыры в небе: лат. littera «буква», но хет. luttas «окно», ирл. geid «vacuum»... хет. mul «звезда», но гот. meljan «писать» [12, с. 68].), символизирует действие, направленное на достижение той или иной цели (вызывание дождя, гибель противников, молитва об удачной охоте или рыбалке, оберег, молитва о спасении больного и др.)» [12, с. 68]. В Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога <...> В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков...» (1; 1-2; 4) (Об истории выражения «В начале было Слово» более подробно см.: «Греч. логос имеет значение творческой идеи, мысли, смысла вообще. Прежде, чем был создан мир, существовало Слово, т.е. мысль, замысел, устремление к созданию жизни. Слово Божие равно Слову как элементу познания. Оно, как

атрибут Бога, обладает реальной силой» [5, с. 156]. Возможно, поэтому автор древнерусского памятника назвал его не песней, не повестью, а Словом о полку Игореве, т.е. замысел о походе Игоря, в котором автор смог художественно изложить патриотические идеи об объединении земли Русской.). А цель боговдохновенной книги – осветить жизнь людей. В этой связи интересно отметить употребление в «Слове о полку Игореве» слова «свѣтъ»: *Одинъ братъ, одинъ свѣтъ, свѣтлый – ты, Игорю! Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловии веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ* и др. В данном предложении обращает внимание метафора «соловьи песнью свет ведают». Налицо, связь лексем «слово», «свет» и «песнь». Таким образом, лексемы *Боянъ, пѣснь, слово, слава и свѣтъ*, на наш взгляд, взаимосвязаны и являются словами-символами, на основе которых и был построен текст памятника. Такая взаимозаменяемость лексем является еще одним доказательством литературного мастерства автора «Слова» (Отметим, что слово «Боян» не только составляет одно из звеньев цепочки слов-символов, но и зашифровано (т.е. анаграммировано) во всем тексте «Слова». Так, имя Бояна в тексте «Слова» проявляется в виде настойчиво проступающих комплексов букв и буквосочетаний б:н; н:б; бо; ян; оя; он; нъ как в корнях или основах отдельных слов (Троянъ, князь, пояше, помняшетъ и др.), так и в сочетаниях двух соседних слов (по былинамъ, помняшетъ бо, песнь пояше, оба багряные стълпа и др.). Употребление слова «боян» в «разобранном виде» выступает как некоторая основная сумма смысла и звукового образа, первенствующая над всем текстом. Ср.: *Не лѣно ли ны бяшетъ/ Начяти же ся тѣи пѣсни по былинамъ/ Боянъ бо вѣщий/ шизымъ орломъ под облакы/ помняшетъ бо пѣрвыхъ времянь усобицѣ/ пѣснь пояше/ нъ своя вѣщия прѣсты они же сами княземъ славу рокотаху/ Были вѣчи Трояни/ суда Божіа не минути/ побарая за христьяны на поганья пѣлки и др. Исследование анаграммы в тексте «Слова о полку Игореве» не входит в задачи нашего исследования, хотя и представляет известный интерес).*

В тюркском эпосе также можно выделить цепочку слов-символов. Это такие лексемы как «*Qorquid*», «*dādā*», «*qosa*», «*ata*» и «*baba*».

Коркут – это и шаман, и прорицатель, и воин, и мудрый советник, и чудотворец. А главное, что роднит его с Бояном, он – «певец-

озан, слагающий песни и сказания о подвигах беков огузского иля» [8, с. 181]. «Как его слово, так и его саз, – по замечанию К.Абдуллы, – высоко ценятся огузами, считаются священными» [2, с. 161]. По мнению Дж.Байдили имя Коркут, восходит к архетипу Куркут и имеет значение «духа предков» как проистекающее из его мифологической символики [17, с. 32-33]. В связи с этимологией имени Коркуд интересна также статья Т.Гаджиева «Еще раз о том, кто такой Коркуд», в которой отмечается: «в корне «Коркуд» стоит глагол «охранять, беречь» [19, с. 17] (Возможно, лексема «*Qorquid*» произошла от словосочетания «*qorquān qurd*», т.е. «охраняющий волк», который, как известно, был одним из трех культовых тотемов у тюркских народов, в частности у азербайджанцев. «В архаичном сознании тюрков Боз Гурд, символизируя этнического первопредка (стража и спасителя рода), занимал одно из центральных мест в ряду культовых феноменов, сыгравших важную роль в становлении менталитета» [9, с. 201]). Имя Коркуд «у туркмен, казахов и киргизов, – по свидетельству Мелек Эрдема, – используется в значении постигшего истины» [15]. Приложение же «деде» к имени Коркут возникло, как считает Х.Короглы, «в связи с тем, что легендарный старец стал мусульманским святым» [8, с. 177], хотя «предпосылки к присоединению «деде» к имени Коркута имелись уже на ранней родине Огузов – в Средней и Центральной Азии, где часто он упоминается как «Коркут-ата»... Идентичность слов «деде» и «ата» отмечается в говорах азербайджанских (в особенности южно-азербайджанских) тюрков. У них слова «деде» и «ата» в одинаковой степени передают понятие «отец», а в историческом и в более широком плане – «отцы» и «деды» («деде-бабаларымыз» или «ата-бабаларымыз»)» [8, с. 177]. Следует отметить, что сама лексема «деде» в «Книге», по мнению Т.Гаджиева, «употребляется в значениях старейшинства, мудрости, мастерства, символа всенародного отца» [19, с. 21]. Таким образом, деде Коркуд – это агсаккал огузского мира, который всей своей жизнью органично вплетен в прошлое и настоящее общины, благодаря чему и заслужил всеобщее уважение. «Вся жизнь агсаккала – это опыт назиданий, накопленных в процессе обслуживания запросов и коллизий своего рода, для которого он неизменно играл ключевую роль спасителя – «духовного пастыря» [9, с. 38]. Ср.: Коркуд-Ата разрешал затруднения огузских племен. Какое

бы дело ни случалось, не поведав Коркуд-Ата, не осуществляли его. Все, что он велел, принимали, слушались его, (все) исполняли.

II. В обоих памятниках наблюдается **повтор отдельных выражений**, (рефренов). Так, в «Слове» рефренами являются фразы: «*О Русская земля! Уже за шеломянемь еси!*» («О Русская земля! Уже ты за холмом!»); «*ищучи себе чти, а князю славу*» («ища себе чести, а князю – славы»). В «Книге» такого рода рефренами можно считать слова самого Деде Коркута, например: «*Günahınızı adı görklü Məhəmməd Mustafaya bağışlasun, xanım, hey!*» («Да простит ваши грехи (аллах) ради Мухаммеда избранного, чье имя славно, хан мой!»); «*Adını bən verdim – yaşını Allah versün*» («Имя ему дал я, (долгую) жизнь ему пусть даст Аллах!») и т.п. Д.С.Лихачев отмечал, что «рефрены в «Слове» носят характер некоторого примирения с судьбой, констатации безвозвратности совершившегося или носят церемониальный характер» [11, с. 16]. Азербайджанский философ Г.Г.Кулиев такое подчинение судьбе объясняет наличием глубоко вкоренившимся в сознание азербайджанцев архетипа «гисмет» (судьбы): «Образно можно сказать, что все типичные азербайджанцы со своей ментальностью фатально обречены быть вечными узниками сети гисмет и потому вынуждены довольствоваться всем тем, что есть» [9, с. 180]. «Тщетна попытка осмысления и преобразования схемы предначертаний гисмет: чтобы человек не предпринимал в земной жизни, ему не удастся предотвратить жесткое предписание судьбы. Так или почти таким образом реагирует на все события типичный азербайджанец. И не случайно, что для него жизнь – это «5 günlük dünya» (мир на 5 дней), дарованный как особый презент судьбы (Танры)» [9, с. 181-182]. Ср. в «Книге»:

Anlar dəxi bu dünyaya gəldi, keçdi.

Karvan kibi qondı, köçdi.

Anlar dəxi əcəl aldı, yer gizlədi.

Fani dünya yenə qaldı.

Gəlimlü-gedimlü dünya,

Son ucı ölümlü dünya.

(«И они пришли в сей мир и ушли (из него),

Как караван, постояли и тронулись (в путь).

Миг смерти забрал и их, земля укрыла,

А бранный мир продолжает по-прежнему оставаться,

Мир, в который приходят и уходят,

Мир, конечный предел в котором есть смерть»).

Таким образом, в исследуемых памятниках письменности можно говорить как о повторе отдельных лексем, так и о повторе фраз. Д.С.Лихачев считает, что такого рода повторения – «это один из основных приемов слияния (скрепления) различных смысловых блоков в единое целое» [11, с. 17].

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. М., 1991;

2. Абдулла К. Тайный «Деде Коркуд». Баку, 2006;

3. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941;

4. Грановская Л.М. Словарь имен и крылатых выражений из Библии. М., 2003;

5. Даркевич В.П. Музыканты в искусстве Руси и вещей Боян// «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985, с. 322-342;

6. Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976;

7. Кулиев Г.Г. Архетипичные азеги: лики менталитета. Баку, 2002;

8. Лихачев Д.С. «Слово о полку Игореве» (Историко-литературный очерк). М.-Л., 1950;

9. Лихачев Д.С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве»// Русская литература, 1983, №4, с. 9-21;

10. Маковский М.М. Феномен ТАБУ в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. М., 2000;

11. Миллер В.с. Взгляд на Слово о полку Игореве. М., 1877;

12. Словарь-справочник «Слово о полку Игореве». Вып. 6, Т – Я и дополнения. Л. 1984;

13. Туркменский Деде Коркут в контексте исследований этого дастана – текст передачи «Аврасия – Түркийе»ден» на турецком телевидении 21 мая 2000, Анкара// <http://turkolog.narod.ru/info/trkm-18.htm>

14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., Т. I, 1964;

15. Bəydili C. «Qorqud» adının ölümdən qaçma motivi ilə bağlılığı// Dədə Qorqud, 2001, №1, s. 27-34;

16. Dədə Qorqud kitabı/ Ensiklopedik lüğət. Bakı, 2004;

17. Hacıyev T. Bir daha Qorqudun kimliyi haqqında// Dədə Qorqud, 2002, №2, s. 3-23.

Syntactic parallelism like the main principle of the structure of epic texts like “Iqor’s Tale” and “Book of Dede Qorqud” has own formal methods. One of them is repetition. On the material given texts we noticed 2 type of repetition in the constructions with parallelism: lexical repetition and repetition of sentences. Such repetitions are one of the way of connecting different semantically units.